
ГОСУДАРСТВО И ОСВОЕНИЕ СИБИРИ: ИДЕИ БОЛЬШИХ ПРОЕКТОВ

DOI 10.17150/978-5-7253-3017-5.61
УДК 94(571.5)
ББК 63.3(253)

Р.В. ИЩЕНКО
А.В. АНУФРИЕВ
А.В. ПЕТРОВ

ПЕРВИЧНОЕ ОСВОЕНИЕ СИБИРИ НА УСЛОВИЯХ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА*

В статье исследуются основные этапы частно-государственного партнерства в процессе хозяйственного освоения Сибири. Обращается внимание на взаимодополняемость и в то же время противоречивость государственных и частных субъектов хозяйственной жизни огромного сибирского региона. Подчеркивается, что данное партнерство было свернуто в процессе ликвидации новой экономической политики в 1920-е гг.

Ключевые слова: Сибирь, частно-государственное партнерство, хозяйственное освоение.

R. V. ISCHENKO,
A. V. ANUFRIEV,
A. V. PETROV

PRIMARY DEVELOPMENT OF SIBERIA ON THE CONDITIONS STATE-PRIVATE PARTNERSHIP

The article explores the main stages of public-private partnership in the process of economic development of Siberia. Attention is drawn to the complementarity and at the same time the inconsistency of state and private economic entities of the vast Siberian region. This partnership was terminated in the process of eliminating the new economic policy in the 1920s.

Keywords: Siberia, public-private partnership, economic development.

Данное исследование основывается на подходе «большое видится на расстоянии». Пока мы варимся в собственных проблемах внутри региона, мы не видим «лес за деревьями», не видим целого и не понимаем, как оно устроено. Именно поэтому нам необходимо сменить по-

* Статья подготовлена Межрегиональным фондом поддержки стратегических инициатив «Байкальские стратегии» с использованием гранта Президента Российской Федерации, предоставленного Фондом президентских грантов.

зицию, выйти из текучки и подняться на историческую высоту. Второй фокус заключается в тезисе о том, что управлять реально только тем, что движется. Можно сколько угодно крутить руль стоящего на месте автомобиля, но никакого управления из этого не получится. Поэтому есть смысл рассматривать регион в динамике. Только учитывая логику процесса, структуру и особенности, можно понять, какие действия приведут к тому, чтобы этот процесс поменял свою направленность или иные характеристики. Другими словами: необходимо понять и почувствовать пульсацию исторического процесса. И почувствовать его можно, анализируя, что происходило на предыдущих этапах, как развивался регион, какие проекты и идеи становились системообразующими, как принимались решения и при каких условиях возникали наиболее качественные сдвиги в развитии.

И третье: для движения вперед нужна сила духа и вера в себя. Мы надеемся, что данный проект позволит молодому поколению почувствовать дух Большого Действия. А старшее поколение выделит часть своих ресурсов и времени, чтобы помочь молодым взяться за эти задачи.

Если говорить о предмете исследования, то хотелось бы сделать один важный акцент — помимо информации о достижениях социально-экономического развития региона очень важно разобраться с теми процессами, которые привели к этим достижениям. Кем и как зародились идеи больших проектов, как эти идеи пробивали себе дорогу, кто поднимал их на флаг и реализовывал? Важно понять, в каких условиях разворачивались те или иные стратегические для региона инициативы, что являлось предпосылками для их реализации? Какие управленческие силы: люди, сообщества, социальные сети, стояли за этими достижениями?

И последнее: мы попытаемся разобраться, является ли идея технологических революций и складывающихся по их результатам технологических платформ, обсуждаемая Э. Тоффлером, Дж. Рифкиным, в России П. Щедровицким, значимым фактором, задающим формат социально-экономических отношений региона и страны и, следовательно, определяющим периодизацию рассмотрения исторических этапов и исторического анализа.

С середины XVI в. Российская империя все настойчивее стремится за пределы своих восточных границ. Эта экспансия происходит на условиях, выражаясь современным языком, государственно-частного партнерства.

Сочетание частной энергии казаков, промысловых людей и торговцев с государственными ресурсами: кадровыми, военными, институциональными давало впечатляющие результаты.

Государство, которое функционирует, как правило, в границах понятных, проработанных регламентов и нормативов, менее эффективно там, где этих границ нет, где царит хаос и господствуют инородцы. И в этом смысле авантюрист и предприниматель гораздо более эффективен в незнакомой и неуправляемой среде. Но и наоборот, в столкновении с сильным противником — другим государством или прото-государственными формами правления других народов, — военной и административной силы государства никакой казак, купец или промышленник не сможет вести дела и быть экономически эффективным. «Частник» использовался государством как таран, разведчик, первопроходец, принимающий на себя основные риски.

Иногда можно удивиться переплетению этих функций, когда частник берет на себя бремя вооруженного противостояния, а государство, наоборот, берет на себя роль предпринимателя. И такие формы тоже порой показывали эффективность, но при этом не выдерживали проверку временем, работали только на коротких дистанциях по историческим меркам.

В дореволюционной российской историографии считалось, что покорение Сибири началось только благодаря усилиям и государственной мудрости Строгановых, умело использовавших казачью дружину Ермака. По мнению других, наоборот, только благодаря отваге Ермака Тимофеевича и его сподвижников, а Строгановы для этого лишь предоставили материальные ресурсы. Наконец, советские историки утверждали, что покорение Сибири — дело одной только казачьей дружины, без всякого участия в нем Строгановых. Сегодня имя Ермака знает каждый сибиряк, а чем занимались и кто такие купцы Строгановы, известно только историкам.

Как бы то ни было, первый этап освоения Сибири продолжался до конца XVII в. и дал целую плеяду первопроходцев и храбрых военачальников — это Пантелей Пянда и Максим Перфильев, Василий Бугор и Петр Бекетов, Семен Дежнев и Ерофей Хабаров. И можно с очевидностью констатировать, что этот этап — дело частной инициативы, санкционированной государством, и опирающейся на государство в военном и административном ключе. Следом за казаками и промышленниками государство приходило в лице уездных воевод и различных элементов государственного хозяйства, включая вооруженные регулярные формирования. Государство подкрепляло своими ресурсами активность первопроходцев, организовывая и поощряя их движение вглубь.

Русские приносили на территорию новые технологии — «элементы новой технологической платформы», как бы мы сказали сегодня. Одним

* Промышленник в XVII-м веке — человек, который промышлял добычей пушнины.

из таких элементов являлись крепости-остроги (предвестники будущих городов), сеть которых, размещенных в ключевых транспортных узлах, позволяла контролировать занятую территорию. Другим — огнестрельное оружие «плюющееся огнем», с которым сложно было спорить в боевых столкновениях.

Эти преимущества во многом определили эффективность походов, в т. ч. с точки зрения соотношения количества участников и результата. По отношению к аборигенному населению русские экспедиции были крайне малочисленны: несколько десятков, редко — сотен. Все войско Ермака не превышало 800 человек, Якутский острог заложен отрядом в 20 человек, численность отрядов Хабарова, с которыми он прошел вдоль Амура до Усури, составляла 150-300 человек.

Анализируя факторы, определяющие успех первичного покорения Сибири, можно выделить два момента: военно-технологический и институциональный.

Белый царь (так назывался русский царь у народов Сибири) предлагал более «оптимальные» и стабильные условия налогообложения (ясака) для местных племен и народностей и одновременно предоставлял более надежную защиту. Учитывая технологическое превосходство, зачастую русские становились единственной гарантией выживания местных в рамках их собственных междоусобных войн. В том числе, несмотря на вечную проблему с управленческими кадрами и перегибами на местах, государство проводило довольно взвешенную политику, как по отношению к инородцам, так и по отношению к своим соотечественникам, обеспечивая стабильность правил игры и соответствующую защиту.

Промыслово-военный этап хозяйственного освоения Сибири завершился в XVII в. К концу такого «освоения» сибирскую тайгу промышленники опустошили, выбив бобра и соболя. Промысел начинает регулироваться государством. На первое место выступает аграрное освоение: распаиваются новые земли, вместе с традиционным для России земледельческим укладом в Сибирь приходят и более традиционные отношения. Время вольных «охочих людей» закончилось, растет влияние государственного регулирования. С формированием внутреннего рынка и, главное, с налаживанием международных связей появляется новое направление для приложения инициативы — торговля. Наступает время сибирского купечества.

Из Иркутска стартуют промысловые экспедиции на Дальний Восток и Аляску, в Иркутске формируется центр русско-китайской торговли. Ярчайший пример торжества частной инициативы, опирающейся на государственную инфраструктуру, дали нам XVIII и XIX вв. В этот период произошли создание, расцвет и упадок двух торговых площадок: Кяхтинского торгового пункта и Русско-американской компании.

Освоение Сибири в XVI-XVII вв. проходило в сложной международной обстановке. Грозный китайский сосед на юге Сибири одновременно являлся источником угроз и потенциальным источником больших возможностей.

Уровень технологического развития двух государств был сопоставим. Безусловно, частные казацкие ватаги не могли соперничать с технологической мощью регулярной армии империи Цин, что и показала первая сдача Албазина. И только государство могло обеспечить условия и инфраструктуры безопасности, позволив расцвести частной инициативе. Нерчинский договор был заключен в военных условиях. Он обеспечил относительный мир, создал исходные предпосылки для расцвета торговли с Китаем. Но этого было недостаточно. Государство должно было обеспечить набор экономических условий и договоренностей, что и было сделано позже — к 1727 г.

Интересен факт того, что, обеспечив инфраструктуру безопасности и международный режим торговли, государство на первых шагах монополизировало торговлю, тем самым сдерживая энергию частной инициативы. Это привело к экономическому застою и убыткам. И только после демонополизации Кяхтинская торговля начала развиваться рекордными темпами.

Государство отдает вопросы институционального устройства торговли (говоря проще, вопросы правил торговли) на откуп самим купцам, на самоорганизацию. И как показывает практика, данная самоорганизация складывается более 50 лет, и государство в итоге все равно, с опорой на практику и позицию крупного купечества, берет на себя эту функцию.

В XIX в. баланс торгового ассортимента сместился в пользу китайского чая. Со стороны Сибири продолжала доминировать пушнина, что сохраняло и закрепляло сырьевой статус региона в международных делах. Высокотехнологичные товары начинают поставляться в Китай только к середине XIX в., в момент, когда Россия осуществляет очередную догоняющую индустриализацию, обеспечив в стране расцвет ткацкой промышленности.

В определенный момент развития российские капиталы вышли за пределы страны на территорию Китая, что характеризовало уровень зрелости и эффективности российских предпринимателей.

При этом важно рассматривать феномен кяхтинской торговли в рамках геоэкономического и геополитического масштаба. В мире развивался морской транспорт, основное конкурентное преимущество океанических держав. Следом в рамках второй промышленной революции появлялась сеть железных дорог. Менялись планетарные логистические схемы. Это в свою очередь трансформировало глобальные товарные потоки и субъектный состав, контролирующий эти потоки как на уровне государства, так и на уровне конкретных частных компаний.

Кяхтинская торговля — яркий пример, когда продуманная государственная политика открывает простор для частной инициативы. Если в период XVII в. купечество само реализовывало свои интересы, опираясь на собственную инфраструктуру и даже на нанятую на свои средства военную силу, а государство шло вслед за промысловиками и купцами, то к XVIII в. ситуация в корне изменилась. Государство своей дипломатической, а иногда и военной мощью обеспечивало пространство для реализации частной инициативы.

История освоения Русской Америки и Российско-американская компания являются безусловным примером и образцом человеческого духа и масштаба мышления предпринимателей и государственных деятелей.

Начало освоения Русской Америки положила экспедиция Михаила Гвоздева, который в 1732 г. открыл Аляску, но нанес на карты лишь ее небольшую часть. Развитие успехов Гвоздева обеспечил знаменитый мореплаватель Витус Беринг, который открыл Командорские и Курильские острова.

Иркутское купечество начало покорение Аляски без каких-либо государственных привилегий, на свой страх и риск. Купцы заинтересовались богатством новых земель. Ехали сюда за мехом бобров, песцов и лисиц. До начала XIX в. было совершено более 100 плаваний, а общая стоимость привезенной пушнины составляла около 8 млн руб. Экспедиции хоть и были коммерчески успешны, тем не менее оставались весьма дорогим и опасным делом. Для снижения рисков и увеличения масштабов экспедиций обычно купцы вскладчину создавали небольшую компанию, а после получения товара делили его и расходились.

Суровые условия, военные и климатические риски сформировали как особые традиции и практики самоорганизации купеческо-предпринимательского сословия, так и особые практики государственно-частного партнерства, обеспечивавшие эффективность начинаемых проектов и предприятий. Купеческие дома, с одной стороны, довольно жестко конкурировали между собой на осваиваемых территориях, а с другой стороны, вынуждены были создавать временные объединения и консорциумы. И при этом, учитывая необходимость обустройства новых территорий и осуществления государственных функций, коммерческие компании действовали в тесных связках с государственными институтами и с опорой на них.

Уникальной по своей структуре и истории возникновения стала деятельность Российско-американской компании.

К концу XVIII в. одной из крупнейших купеческих компаний региона, оперирующей на территории Русской Америки, стала компания партнеров Григория Шелихова и Ивана Голикова. Уже в то время Григорий Шелихов задумался о создании постоянной компании, которая получи-

ла бы монополию на торговлю в новом регионе и основала бы здесь поселения.

В 1791 г. Григорий Шелихов с компаньоном Голиковым основали новую Северо-Восточную компанию. Через несколько лет, в 1795 г., Шелихов умер. К тому времени он оставил устойчивую компанию, столицей которой была колония на острове Кадьяк. В 1796 г. купец Дудников вместе с несколькими компаньонами основал Иркутскую Коммерческую компанию. А в 1797 г. две фирмы объединились и создали единую «Американскую Мыльникову, Шелихова и Голикова компанию». Через год название сменилось на «Соединенную Американскую компанию». В нее вошли 20 сибирских купеческих фамилий. Кроме Мыльниковых и Шелиховых среди них были известные иркутские предприниматели Мичурины, Дудоровские, Литвинцовы, Зубовы, Останины, Ивановы. Общий капитал составлял 724 тыс. руб., поделенных на 724 акции, стоимостью 1 000 руб. каждая. Главная контора находилась в Иркутске.

Однако обеспечить полную привилегию русским купцам и запрет иностранцам действовать на территории Русской Америки было невозможно без государственной поддержки. Кроме того, успешная деятельность компании заинтересовала центральную власть. В 1799 г. был обнародован указ императора Павла о создании Российско-американской компании, которая получала право монопольной торговли на Тихоокеанском Севере. Был изменен ее устав, прописано, что на больших собраниях голосуют только владельцы десяти и более акций. Совет директоров составляли те, у кого было больше 25 акций.

Главное управление РАК было переведено в 1801 г. из Иркутска в Санкт-Петербург, а сама компания обрела черты полугосударственной монополии. В состав ее акционеров вступил сам император, члены царствующей фамилии и ряд крупных сановников. Должность первого директора компании занял купец Булдаков.

Здесь важно отметить, что дихотомия государственной инициативы и частной региональной инициативы породила результат, который стал историческим феноменом для всей Российской империи и до сих пор является одним из важнейших прецедентов в истории страны.

Российско-американская компания стала ключевым игроком на территории от Иркутска до Аляски и заняла доминирующее положение на рынках пушнины того времени. По поручению государства исследовала новые территории. Стала одним из крупнейших операторов Кяхтинского торгового дела. А Иркутск на некоторое время превратился в штаб промыслового освоения Азиатско-Тихоокеанского региона.

Российско-американская компания создавалась, в первую очередь, как предпринимательская корпорация, по инициативе предпринимателей и на их деньги. Но по мере наращивания присутствия в ней государе-

вых людей (как в акционерном капитале, так и в управлении), компания все больше начинает приобретать черты государственного учреждения. Постепенно РАК из предпринимательской корпорации превращается в своего рода государственный департамент по управлению заморскими территориями при Морском министерстве, с особыми коммерческими функциями.

В процессе существования состав Главного правления компании постепенно стал меняться. Первыми директорами компании были купцы М.М. Булдаков (первенствующий директор), Я.Н. и Д.Н. Мыльниковы и С.А. Старцов. Все они были выбраны на собрании акционеров и приведены к присяге в сентябре 1799 г. В конце 1830-х гг. заметную роль в Главном правлении стал играть контр-адмирал Ф.П. Врангель. В 1830-1835 гг. он был Главным правителем русских колоний в Америке, в 1838 г. стал советником по колониальным делам при Главном правлении, а потом и первым директором-чиновником. В дальнейшем в число директоров стали выбирать исключительно чиновников высшего ранга. Директорами компании были генерал-майор В.Г. Политковский, генерал-лейтенант В.Ф. Ключфель, контр-адмирал А.К. Этолин, действительный статский советник В.Е. Врангель, контр-адмиралы М.Д. Тебеньков, В.С. Завойко и др.

Государство вытесняет предпринимательское начало. К 1860-м гг. компания испытывает финансовые трудности. Осознание невозможности управления регионом, столь оторванным от метрополии, при слабом развитии морской и сухопутной транспортной инфраструктуры привело к принятию политического решения: продажи в 1867 г. Русской Америки США. Это событие и стало концом для деятельности Русско-американской компании.

Порой, борясь за свои интересы, купечество было вынуждено противостоять государству, вернее, чиновничьему произволу на местах, отстаивая свое право на самоуправление. Нередко в таком противостоянии приходилось рисковать не только капиталом, но и самой свободой, поскольку даже высокое положение в обществе не служило надежной защитой от начальственного самодурства.

Показательно в этом отношении дело о следствии по делам винных откупов 1758-1760 гг., получившее в Иркутске название «крыловского погрома». В XVIII веке «откупом» называлась система сбора государственных доходов, при которой государство за определенную плату передавало право их сбора частным лицам.

В России «хлебным вином» или «водкой», как известно, назывался крепкий спиртной напиток, который приготавливался методом дистилляции («выкуривался») из зерновой браги, в отличие от нынешней водки, которую готовят из этилового спирта, смешанного с водой. Право торго-

вать водкой на определенный срок сдавалось государством с торгов: кто больше давал на торгах за право торговли в определенной местности, тот и становился откупщиком. Откупщик платил в казну установленную сумму и вел торговлю с тем расчетом, чтобы получить доход. Откупы в России сулили громадные прибыли, однако получить их без связей было практически невозможно. Департамент податей и сборов, ведавший откупам в Министерстве финансов, прозвали «департаментом подлостей и споров». Связанная с откупам система взяток, подкупов и дарений пронизывала всю власть снизу доверху и носила почти легальный характер. Многие царские сановники, находясь на государственной службе, искали побочные источники обогащения.

В 1758 г. в Иркутск во главе казачьего конвоя из 77 казаков прибыл следователь по винокурным делам, коллежский асессор Петр Никифорович Крылов с указом Сената о назначении его следователем по винокурным делам. Одновременно Крылов являлся поверенным откупщика Александра Глебова, обер-прокурора Правительствующего Сената.

Петр Крылов арестовал иркутского бургомистра Бречалова, который под пытками показал, что хлебное вино, стоившее в выкурке от 50 до 60 коп., иркутские купцы продавали за рубль, а излишки денег делили между собой. Наделенный чрезвычайными полномочиями следователь стремился любыми средствами доказать виновность иркутских купцов. Крылов в течение двух лет (с 1758 по 1760 г.) арестовал 125 иркутских купцов, которые под пыткой были вынуждены оговаривать себя.

У арестованных Крылов вымогал средства, которые они якобы задолжали казне. С иркутских купцов им была выбита огромная сумма, более 155 тыс. руб., однако это были только официальные сборы, еще примерно столько же было получено им лично в виде взяток. Историки пишут, что Крылов наводил на иркутян страх не только пытками, но и своей развратной разгульной жизнью.

Внезапно проснувшийся интерес сенатского следователя к злоупотреблениям, якобы учиненными иркутскими купцами, скоро получил объяснение. В 1759 г. обер-прокурора Правительствующего Сената Александр Глебов, влиятельный вельможа, патрон Петра Крылова, взял в откупное содержание продажу вина в Иркутской провинции на семь лет. Откупное обошлось ему в 58 тыс. руб. в год и, чтобы увеличить свои доходы, Глебов через посредников обратился к иркутскому купечеству продать или сдать ему в аренду принадлежащие купцам винокурные заводы — и получил отказ. «Крыловщина» развернулась с новой силой.

Более всех пострадал богатейший иркутский купец Иван Бечевин, владевший откупом на «питейное дело» в Илимском уезде Иркутской провинции. У Бечевина в откупе было 48 кабаков, дававших казне бо-

лее 6 000 руб. дохода. Личностью Иван Бечевин был незаурядной. Выходец из казаков, свои капиталы он добыл, торгуя пушниной, добытой на островах Тихого океана. Пушнину он продавал купцам, торгующим с китайцами, потом и сам начал торговать в Кяхте. О богатстве Бечевина иркутяне говорили так: «У него золотые и серебряные деньги в бочонках, а медные — в бочках». Будучи одним из богатейших людей Иркутска, он выделял средства на постройку Тихвинской, Знаменской и Благовещенской церквей. На средства Бечевина была снаряжена экспедиция к Анадырю и устью Лены для организации пушного промысла. Корабль «Св. Гавриил» за два года совершил плавание от Камчатки к Алеутским островам и Аляске. Петр Крылов арестовал пятидесятипятилетнего Ивана Бечевина и приказал его пытать. Не выдержав допросов, Бечевин умер и был похоронен в 1759 г. в отстроенной на его же деньги Тихвинской церкви.

Это переполнило чашу терпения епископа Иркутского и Нерчинского Софрония. Преосвященный по церковным каналам отправил в Петербург донесение императрице. Хитрость удалась: в ответ курьер привез распоряжение арестовать Крылова и скованным отправить в Санкт-Петербург, что и было исполнено 20 ноября 1761 г.

Безусловно, подобные ситуации, с одной стороны, отражают извечную проблему государства с кадрами на местах, с другой стороны, показывают дихотомию отношений, как мы сказали бы сегодня, региональных сообществ с федеральным центром.

Иркутск формировался как крупный центр предпринимательства и торговли со своими традициями самоуправления, что накладывало особый отпечаток и выделяло город и регион из состава других регионов страны.

М.М. Сперанский, 1820 г.: «Сибирь есть настоящая отчизна Дон Кихотов. В Иркутске есть сотни людей, бывших в Камчатке, на Алеутских островах, в Америке с женами их и детьми, и они все сие рассказывают, как дела обыкновенные»^{*}.

Существенная доля населения города занималась предпринимательством в том или ином виде. Для страны это был и остается особенный факт.

В 1820 г. по справке, предоставленной в Иркутскую градскую думу из земских дел, значилось купцов, мещан и цеховых 6 259 чел. Также в губернском Иркутске проживали другие социальные группы — духовенство, чиновники, военные, казаки, мастеровые, дворовые люди и крестьяне. Всего в городе в 1823 г. проживало 15 644 чел.

* Из письма М. М. Сперанского к дочери Елизавете от 22 июня 1820 г.

Доля купечества Иркутской губернии была неизменно выше средне-сибирской: в 1816 г. на 100 мецан здесь приходилось 7,3 купца, что в два с лишним раза превышало среднесибирский уровень». В 1823 г. насчитывалось 306 человек купцов, а к 1916 г. — уже 4 870 человек.

Влияние купечества на местных жителей и формирование общественного мнения было чрезвычайно сильно, особенно по сравнению с Центральной Россией. Образованная часть купечества в Иркутске играла роль, принадлежащую обычно дворянской аристократии.

Иркутское купечество выступило в поддержку создания университета, что по тем временам являлось серьезной новацией для таких удаленных территорий. Существовало осознанное понимание необходимости формирования на территории центра знаний, который мог бы выполнить системообразующую функцию для становления региона, не только как сырьевого придатка метрополии, но как полноценного субъекта развития страны.

Инициатором идеи создания университета в Иркутске в 60-х гг. XIX в. были известные сибирские писатели, ученые и политические деятели: Михаил Загоскин, Афанасий Щапов, Николай Ядринцев, Григорий Потанин.

Эту идею поддерживал и министр народного просвещения России Авраам Норов. Сохранилась его переписка с генерал-губернатором Восточной Сибири Николаем Муравьевым-Амурским, который на предложение об открытии университета в Иркутске ответил категорическим отказом. Мотив веский: с открытием университета в Иркутске увеличится «поток ябеды в правительство» о злоупотреблениях местной власти.

Против открытия, в конце концов, выступило и правительство Российской империи, рассудив, что в Иркутске слишком много политических ссыльных, и открытие университета как комплота вольнодумцев только усилит «смутьянов». В результате, как известно, первым университетом в Сибири стал Императорский Томский университет, открытый в 1878 г. Интересно, что крупнейшими жертвователями в пользу Томского университета стали иркутский купец Александр Сибиряков, представлявший седьмое поколение купцов Сибиряковых, который внес 100 тыс. руб., и иркутский купец Александр Трапезников, внесший 10 тыс.

Надо отдать должное царскому правительству: в Санкт-Петербурге понимали, что особенности Сибири как глобального и удаленного территориального элемента империи требуют от центральной власти особых подходов и форм управления. Это нашло отражение и в создании Российско-американской компании с ее особыми функциями и новаторскими по тем временам управленческими механизмами акционерного общества, и в уникальной работе по формированию нового свода зако-

нов, определяющих особый порядок управления в Сибири, проделанной Михаилом Сперанским. Существовавшая на тот момент модель управления на местном уровне была не просто неэффективна, но и порождала чудовищные злоупотребления.

Проект Сперанского стал самой успешной попыткой усовершенствования административного механизма за счет расширения полномочий местного самоуправления.

Реформа предполагала административное разделение Сибири по Енисею на два генерал-губернаторства: Западно-Сибирское и Восточно-Сибирское, с административными центрами в Тобольске и Иркутске. В соответствии с «Учреждением» губернии и области делились на округа, а те на волости и инородные управы. Инородцами в Российской империи называли неславянское население, устав разделял инородцев на «оседлых», «кочевых» и «бродячих». Получилась четырехуровневая система управления: губернское, городское, волостное и инородное.

При всех уровнях власти учреждались Советы, которые должны были послужить ограничением власти губернатора. В Совет Главного управления под председательством генерал-губернатора входили шесть советников, половина из которых назначались по рекомендации генерал-губернатора, а другая половина утверждалась императором по представлению министерства внутренних дел, юстиции и финансов.

Губернское управление разделялось на «общее» и «частное». Общее губернское управление составляли гражданский губернатор и совет под его председательством, в который входили председатели губернского правления, казенной палаты, губернского суда и губернский прокурор. В полномочиях губернатора оставалось назначение и увольнение чиновников, утверждение членов дум, городского суда, ратуш, волостных голов, а также представление к наградам и пересмотр уголовных дел.

Частное губернское управление состояло из губернского правления, казенной палаты, губернского суда и прокурора. Губернатору подчинялись также Приказ общественного призрения, врачебная управа, строительная часть и типография, а также губернский статистический комитет, рекрутское присутствие (позже рекрутский комитет), комиссия народного продовольствия, дорожной и строительной комиссии.

«Сибирское учреждение» разделяло города на многолюдные, средние и малолюдные. В многолюдных городах (например, в Иркутске) городское управление состояло из полиции, хозяйственного управления и городского суда. Управление средних городов (Нерчинска, Верхнеудинска, Троицкосавска) заключалось лишь в полицейском управлении во главе с городничим. Сюда же входила частная управа — городничий, и квартальные надзиратели, и медицинская часть. В малолюдных городах (Нижнеудинске, Киренске, Селенгинске и Баргузинске) управление осу-

ществляли только городничий (полиция), а также городские старосты и словесный суд (хозяйственное управление и суд).

Необходимо отметить, что часть разделов реформы Сперанского были сформированы по результатам анализа сложившихся практик местного самоуправления Иркутска.

Как отмечают исследователи, сибирское законодательство, сформулированное Михаилом Сперанским в 1822 г. в Иркутске, не просто стало первым опытом регионального законодательства, но и просуществовало без существенных изменений вплоть до конца XIX в. И это — безусловная заслуга талантливого, системно мыслящего человека, которым он и являлся.

Историческая реконструкция данного этапа развития региона в очередной раз подтверждает принцип, что правильный баланс партнерства между государством и частной инициативой, где государство берет на себя безопасность, инфраструктурные и институциональные функции, а частник оставляет за собой предпринимательскую инициативу и обеспечение экономического развития, оборачиваются успехом и приносят необходимые результаты в соответствии с требованиями времени.

Информация об авторах

Ищенко Роман Владимирович — соучредитель и член Совета общественной организации «Интеллектуальный деловой клуб «Байкальские стратегии»», Председатель Иркутского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Деловая Россия»

Ануфриев Александр Валерьевич — старший преподаватель кафедры истории России Иркутского государственного университета, секретарь Иркутского регионального отделения Российского военно-исторического общества

Петров Алексей Викторович — кандидат политических наук, доцент, президент клуба молодых учёных «Альянс»

Authors

Roman V. Ischenko — co-founder and member of the Council of the public organization «Intellectual business club “Baikal strategies”», Chairman of the Irkutsk regional branch of the all-Russian public organization «Business Russia»

Alexander V. Anufriev — senior lecturer At the Department of Russian history at Irkutsk state University, Secretary of the Irkutsk regional branch of the Russian military historical society

Alexey V. Petrov — candidate of political science, associate Professor, President of the Alliance of young scientists.